

КУЛЬТУРА ЧТЕНИЯ

В.Г. КОРОЛЕНКО

Мое первое знакомство с Диккенсом

Дорогие друзья и коллеги! Ирина Ивановна Тихомирова, преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, наш постоянный автор и один из известнейших специалистов в области детского чтения, ныне готовит к публикации книгу с рабочим названием «Школа чтения». Предлагаю отрывок из хрестоматии о чтении юного Виктора Галактионовича Короленко и отдельные фрагменты «Истории моего современника», Ирина Ивановна пишет:

Уважаемая редакция!

В своем словаре-справочнике «Психология чтения детей от А до Я» я неоднократно цитировала воспоминания замечательных людей о своем опыте чтения в детские и юношеские годы. На их примере я пыталась дать позитивный образ чтения. Однако маленькие кусочки воспоминаний вне контекста целого не дают представления о протекании духовной жизни читающего человека во всей его полноте.

Собираемая мной сейчас хрестоматия «Школа чтения», в которую я включаю более двух десятков воспоминаний известных людей, преимущественно русских писателей, как раз и ставит эту задачу. Я рассматриваю Хрестоматию как своего рода приложение к словарю-справочнику. Восприятие одного человека может быть неповторимым. Если оно совпадает с восприятием еще одного — это наводит на размышления. Но если совпадение обнаруживается у десятков людей, то мы, очевидно, имеем дело с определенными закономерностями влияния книги на человека. Они и вырисовы-

вают общие приметы искусства чтения и его значения в жизни людей. Вот почему я взялась за хрестоматию, которую, вместе с предисловием и справочным аппаратом, планирую закончить к марту 2006 года. (Прошу рассматривать это письмо как заявку на книгу, объемом 200–250 страниц.)

Материал хрестоматии поможет библиотекарю, педагогу, родителю составить четкое представление об особенностях детского восприятия, чтобы поддерживать его и развивать, ценить и уважать, почувствовать его неповторимость и богатство, силу и выразительность. Абстрактные разговоры о роли чтения не могут дать того, что могут дать конкретные примеры из жизни конкретных людей, являющихся гордостью нашей национальной культуры.

Хрестоматия может быть интересна и самим подросткам — тем умным ребятам, которые жаждут принести пользу своему отечеству и которым вы адресуете журнал «Крылья». Примеры, приведенные в Хрестоматии, как раз и способны окрылить ум и сердце у рас-

тущих «умников и умниц» и создавать тот эффект от чтения, о котором писал В.Вересаев: «Как будто на широких, сильных крыльях я поднимался на воздух и уверенно летел ввысь».

Хрестоматия содержит незамеченный материал и для самообразования специалистов в области детского чтения. Этот материал поднимает планку профессиональных размышлений о роли книги и чтения в жизни человека на высоту, до которой нам всем тянуться и тянуться.

Высылаю вам для примера фрагмент воспоминаний о своем детском и отроческом чтении Виктора Галактионовича Короленко (Короленко В.Г.* Из личного опыта чтения в детстве и юности (цит. по Собр. соч. в 5 т, Т.4 и 5. Л.: Худ. лит., 1991)

С уважением
И. И. Тихомирова,
преподаватель

Санкт-Петербургского
государственного университета
культуры и искусств

«Мое первое знакомство с Диккенсом»

(очерк дается в сокращении)

1

«Первая книга, которую я начал читать по складам, а дочитал до конца уже довольно бегло, был роман польского писателя Корженевского – произведение талантливое и написанное в хорошем литературном тоне. Никто после этого не руководил выбором моего чтения, и одно время оно приняло пестрый, случайный, можно даже сказать — авантюристский характер.

Я следовал в этом за моим старшим братом...

Брат получил два злотых (тридцать копеек) и подписался на месяц в библиотеке пана Буткевича..., давшего за плату книги для чтения. Книг было не очень много и больше все товар по тому времени ходкий: Дюма, Евгений Сю, Купер, тайны разных дворов и, кажется, уже тогда знаменитый Рокамболь...

Брат и этому своему новому праву придал характер привилегии. Когда я однажды попытался заглянуть в книгу, оставленную им на столе, он вырвал ее у меня из рук и сказал:

— Пошел! Тебе еще рано читать романы.

После этого я лишь тайком, в его отсутствие, брал книги и, весь настороже, глотал страницу за страницей.

Это было странное, пестрое и очень пряное чтение. Некогда было читать сплошь, приходилось знако-

миться с завязкой и потом следить за нею вразбивку. И теперь многое из прочитанного тогда представляется мне точно пейзаж под плывущими туманами. Появляются, точно в прогалинах, ярко светящиеся островки и исчезают... ДАртаньян, выезжающий из маленького городка на смешной кляче, фигуры его друзей-мушкетеров,

убийство королевы Марго, некоторые злодеяния иезуитов из Сю... Все эти образы появлялись и исчезали, вспугнутые шагами брата, чтобы затем возникнуть уже в другом месте (в следующем томе), без связи в действии, без определившихся характеров. Поединки, нападения, засады, любовные интриги, злодеяния и неизбежное их наказание. Порой мне приходилось расставаться с героем в самый критический момент, когда его насквозь пронзали шпагой, а между тем роман еще не был кончен, и, значит, оставалось место для самых мучительных предположений. На мои робкие вопросы — ожил ли герой и что случилось с его возлюбленной в то время, когда он влачил жалкое существование со шпагой в груди, — брат отвечал с суровой важностью:

— Не трогай моих книг! Тебе еще рано читать романы.

И прятал книги в другое место.

КОРОЛЕНКО
Владимир Галактионович (1853-1921) — прозаик, публицист, общественный деятель. Его способность видеть живую реальность, заключенную в слово писателя, и переживать за героев, проявилась с первой прочитанной

им книги. Вместе с тем, его самостоятельное чтение в детские годы, состоящее в основном из приключенческих книг, было, как он признавался позже, просто развлечением, носило случайный, поверхностный характер и приучало смотреть на книги как на занимательное описание того, чего, в сущности, не бывает. Испытать в чтении особую радость «раскрепощенного ума» помог ему учитель-словесник Авдиев. Именно он приучил Короленко относиться к литературе как к серьезному делу, выходящему за рамки прослеживания сюжета. Он воспитал вкус к классической русской литературе, научил соотносить читаемое произведение и его героев с реальной жизнью и реальными людьми. В очерке «Мое первое знакомство с Диккенсом», написанном страстно и проникновенно, автор раскрыл во всей полноте и конкретности свое восприятие романа «Домби и сын». На этом примере мы можем видеть, что такое глубокое чтение и чем оно отличается от поверхностного. Опыт чтения Короленко интересен еще и как пример запретного чтения, которому присущ особенный азарт и сладость. Интересен он и тем, что показывает зарождение в подростке самосознания и желания писать самому.

Через некоторое время, однако, ему надоело бегать в библиотеку, и он воспользовался еще одной привилегией своего возраста: стал посылать меня менять ему книги...

Я был этому очень рад. Библиотека была довольно далеко от нашего дома, и книга была в моем распоряжении на всем этом пространстве. Я стал читать на ходу...

Эта манера придавала самому процессу чтения характер своеобразный и, так сказать, азартный... Шел я медленно, порой останавливаясь за углами, жадно следя за событиями, пока не подходил к книжному магазину. Тут я наскоро смотрел развязку и со вздохом входил к Буткевичу. Конечно, пробелов оставалось много. Рыцари, разбойники, защитники невинности, прекрасные дамы — все это каким-то вихрем, точно на шабаше, мчалось в моей голове под грохот уличного движения и обрывалось бессвязно, странно, загадочно, дразня, распаяя, но не удовлетворяя воображения...

Думаю, что это чтение принесло мне много вреда, пролагая в голове странные и ни с чем не сообразные извилины приключений, затушевывая лица, характеры, приучая к поверхностности.

II

Однажды я принес брату книгу, кажется, сброшюрованную из журнала, в которой, перелистывая дорогой, я не мог привычным взглядом разыскать обычную нить приключений. Характеристика какого-то высокого человека, сурового, неприятного. Купец. У него контора, в которой «привыкли торговать кожами, но никогда не вели дел с женскими сердцами»... Мимо! Что мне за дело до этого неинтересного человека! Потом какой-то дядя Смоль ведет странные разговоры с племянником в лавке морских принадлежностей. Вот, наконец, старуха похищает девочку, дочь купца. Но и тут все дело ограничивается тем, что нищенка снимает с нее платье и заменяет лохмотьями. Она приходит домой, ее поят

тепленьким и укладывают в постель. Жалкое и неинтересное приключение, к которому я отнесся очень пренебрежительно: такие ли приключения бывают на свете. Книга внушила мне решительное предубеждение, и я не пользовался случаями, когда брат оставлял ее.

Но вот однажды я увидел, что брат, читая, расхохотался как сумасшедший и потом часто откидывался, смеясь, на спинку раскачиваемого стула. Когда к нему пришли товарищи, я завладел книгой, чтобы узнать, что же такого смешного могло случиться с этим купцом, торговавшим кожами.

Некоторое время я бродил оцупью по книге, натываясь, точно на улице, на целые вереницы персонажей, на их разговоры, но еще не схватывая главного: струи диккенсовского юмора. Передо мной промелькнула фигурка маленького Павла, его сестры Флоренсы, дяди Смолья, капитана Тудля с железным крючком вместо руки... Нет, все еще неинтересно... Тут с его любовью к жилетам... Дурак... Стоило ли описывать такого болвана?

Но вот, перелистав смерть Павла (я не любил описания смерти вообще), я вдруг остановил свой стремительный бег

по страницам и застыл, точно заколдованный:

«— Завтра поутру, мисс Флой, папа уезжает...

— Вы не знаете, Сусанна, куда он едет? — спросила Флоренса, опустив глаза в землю».

Читатель, вероятно, помнит дальше. Флоренса тоскует о смерти брата. Мистер Домби тоскует о сыне... Мокрая ночь. Мелкий дождь печально дребезжал в заплаканные окна. Зловещий ветер пронзительно дул и стонал вокруг дома, как будто ночная тоска обуяла его. Флоренса сидела одна в своей траурной спальне и заливалась слезами. На часах башни пробило полночь...

Я не знаю, как это случилось, но только с первых строк этой картины вся она встала передо

Чарльз Диккенс
**ДОМБИ
И
СЫН**

мной как живая, бросая яркий свет на все прочитанное урывками до сих пор.

Я вдруг живо почувствовал и смерть незнакомого мальчика, и эту ночь, и эту тоску одиночества и мрака. И уединение в этом месте, обвеванном грустью недавней смерти... И тоскливое падение дождевых капель, и стон, и завывание ветра, и болезненную дрожь чахоточных деревьев... И страшную тоску одиночества бедной девочки и сурового отца. И ее любовь к этому сухому, жесткому человеку, и его страшное равнодушие

Дверь в кабинет отворена... не более чем на ширину волоса, но все же отворена... а всегда он запирался. Дочь с замирающим сердцем подходит к щели. В глубине мерцает лампа, бросающая тусклый свет на окружающие предметы. Девочка стоит у двери. Войти или не войти? Она тихонько отходит. Но луч света, падающий тонкой нитью на мраморный пол, светит для нее лучом небесной надежды. Она вернулась, почти не зная, что делает, ухватилась руками за половинки притворенной двери и... вошла...

«Ее отец сидел за столом в углублении кабинета и приводил в порядок бумаги... Пронзительный ветер завывал вокруг дома... Но ничего не слышал мистер Домби. Он сидел, погруженный в свою думу, и дума эта была тяжелее, чем легкая поступь робкой девушки. Однако лицо его обратилось на нее, суровое, мрачное лицо, которому догорающая лампа сообщила какой-то дикий отпечаток. Угрюмый взгляд его принял вопросительное выражение.

— Папа! Папа! Поговори со мной...

Он вздрогнул и быстро вскочил со стула.

— Что тебе надо? Зачем ты пришла сюда?

Флоренса видела: он знал — зачем. Яркими буквами пламенела его мысль на диком лице... Жгучей стрелой впилась она в отверженную грудь и вырвала из нее протяжный, замирающий крик страшного отчаяния.

Да припомнит это мистер Домби в грядущие годы. Крик его дочери исчез и замер в воздухе, но не исчезнет и не замрет в тайниках его души. Да припомнит это мистер Домби в грядущие годы!».

Я стоял с книгой в руках, ошеломленный и потрясенный и этим замирающим криком девушки, и вспышкой гнева и отчаяния самого автора... Зачем же, зачем он написал это?... Такое ужасное и такое жестокое. Ведь он мог написать иначе... Но нет. Я почувствовал, что он не мог, что было именно так, и он только видит этот ужас, и сам так же потрясен, как и я... И вот к замирающему крику бедной одинокой девочки

Иллюстрация Физа

присоединяется отчаяние, боль и гнев его собственного сердца...

И я повторял за ним с ненавистью и жаждой мщения: да, да, да! Он припомнит, непременно, непременно припомнит это в грядущие годы...

Эта картина сразу осветила для меня, точно молния, все обрывки, так безразлично мелькавшие при поверхностном чтении. Я с грустью вспомнил, что пропустил столько времени... Теперь я решил использовать остальное: я жадно читал еще часа два, уже не отрываясь, до прихода брата... Познакомился с милой Поли, кормилицей, ласкавшей бедную Флоренсу, с больным мальчиком, спрашивавшим на берегу, о чем говорит море, с его ранней больной детской мудростью... И даже влюбленный Тутс показался мне уже не таким болваном... Чувствуя, что скоро вернется брат, я нервно глотал страницу за страницей, знакомясь ближе с друзьями и врагами Флоренсы... И на заднем фоне все время стояла фигура мистера Домби, уже значительная потому, что обреченная ужасному наказанию. Завтра на дороге я прочту о том, как он наконец «вспомнит в грядущие годы»... Вспомнит, но, конечно, будет поздно... Так и надо!..

Брат ночью дочитывал роман, и я слышал опять, как он то хохотал, то в порыве гнева ударял по столу кулаком...

III

Наутро он мне сказал:

— На вот, снеси. Да смотри у меня: недолго.

— Слушай, — решил я спросить, — над чем ты так долго смеялся вчера?..

— Ты еще глуп и все равно не поймешь... Ты не знаешь, что такое юмор... Впрочем, прочти вот тут... Мистер Тутс объясняется с Флоренсой и то и дело погружается в кладезь молчания...

И он опять захохотал заразительно и звонко.

— Ну, иди. Я знаю: ты читаешь на улицах... Тебе еще рано читать романы. Ну да этот, если поймешь, можно...

Привычным шагом, но медленнее обыкновенного, отправился я вдоль улицы, весь погруженный в чтение, но тем не менее искусно лавируя по привычке среди встречных. Я останавливался на углах, садился на скамейки, где они были у ворот, машинально подымался и опять брел дальше, уткнувшись в книгу. Мне уже трудно было по-прежнему следить только за действием по одной ниточке, не оглядываясь по сторонам и не останавливаясь на второстепенных лицах. Все стало необыкновенно интересно, каждое лицо зажило своею жизнью, каждое движение, слово, жест врезывалось в память.

Я невольно захохотал, когда мудрый капитан Бенсби при посещении его корабля изящной Флоренсой спрашивает у капитана Тутдля: «Товарищ, чего хотела бы хлебнуть эта дама?» Потом разыскал объяснение влюбленного Тутса, выпаляющего залпом: «Здравствуйте, мисс Домби, здравствуйте. Как ваше здоровье, мисс Домби? Я здоров, слава богу, мисс Домби, а как ваше здоровье?..»

После этого, как известно, юный джентльмен сделал веселую гримасу, но находя, что радоваться нечему, испустил глубокий вздох, а рассудив, что печалиться не следовало, сделал опять веселую гримасу и, наконец, опустился в «кладезь молчания», на самое дно...

Я, как и брат, расхохотался над бедным Тутсом, обратив на себя внимание прохожих... Впереди виднелась Киевская улица, где была библиотека. А я в увлечении отдельными сценами еще далеко не дошел до тех «грядущих годов», когда мистер Домби должен вспомнить свою жестокость к дочери.

Вероятно, еще и теперь недалеко от Киевской улицы в Житомире стоит церковь св. Пантелеймона. В то время между каким-то выступом этой церкви и соседним домом было углубление вроде ниши. Увидя этот затишный уголок, я зашел туда, прислонился к стене и ... время побежало над моей головой... Я не замечал уже ни уличного грохота, ни тихого полета минут. Как зачаро-

ванный, я глотал сцену за сценой без надежды дочитать сплошь до конца и не в силах оторваться. В церкви ударили к вечерне. Прохожие порой останавливались и с удивлением смотрели на меня в моем убежище...

Один раз я вздрогнул. Мне показалось, что прошел брат торопливой походкой и размахивая тросточкой... «Не может быть», — утешал я себя, но все-таки стал быстрее перелистывать страницы... Вторая женитьба мистера Домби... Гордая Юдифь... Она любит Флоренсу и презирает мистера Домби. Вот, сейчас начнется ... «Да вспомнит мистер Домби»....

Но тут очарование было неожиданно прервано: брат, успевший сходить в библиотеку и возвращавшийся оттуда в недоумении, не найдя меня, обратил внимание на кучку молодежи, столпившейся около моего убежища. Еще не зная предмета их любопытства, он протолкался сквозь них и... Брат был вспыльчив и считал нарушенными свои привилегии. Поэтому он быстро вошел в мой приют и схватил книгу. Инстинктивно я старался удержать ее, не выпуская из рук и не отрывая глаз... Зрители шумно ликовали, оглашая улицу хохотом и криками...

— Дурак! Сейчас закроют библиотеку, — крикнул брат и, выдернув книгу, побежал по улице. Я в смущении и со стыдом последовал за ним, еще весь во власти прочитанного... На последних, торопливо переброшенных страницах передо мной мелькнула идиллическая картина: Флоренса замужем. У нее мальчик и девочка, и ...какой-то седой старик гуляет с детьми и смотрит на внука с нежностью и печалью.

— Неужели они помирились? — спросил я у брата, которого встретил на обратном пути из библиотеки, довольного, что еще успел взять новый роман и, значит, не остался без чтения в праздничный день. Он был отходчив и уже только смеялся надо мной.

...— Ты спрашиваешь: простила ли Флоренса? Да, да... Простила. У Диккенса всегда кончается торжеством добродетели и примирением.

Диккенс... Детство неблагоприятно: я не смотрел фамилию авторов книг, которые доставляли мне удовольствие, но эта фамилия, такая серебристо-звонкая и приятная, сразу запала мне в память...

Так вот как я впервые — можно сказать на ходу — познакомился с Диккенсом» (1912 г., Т 5, С.426-434.)